

Brazhnik L. M. The Connotative dualism of the Proper Name in the Tsvetayeva's Sketches.

The article is devoted to the investigation of the connotative dualism in Tsvetayeva's sketches. Antroponimic connotations, the derivation of which are under the influence of extralinguistic factors (the author's perception of the epoch and her cultural orientation) are analyzed in the article.

Keywords: connothemes, expressiveness of the text, extralinguistic nature, intralingual.

Бушев А. Б.

Филиал ГОУ ВПО “Санкт-Петербургский государственный инженерно-экономический университет” (Россия)

ПОЛЕМИКА ВОКРУГ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Статья посвящена различным аспектам понимания и исследования языковой личности. Полемически рассматриваются концепции языковой личности, представлена авторская концепция языковой личности профессионального переводчика.

Ключевые слова: языковая личность, компетенция, носитель языка.

Настоящая статья освещает полемику вокруг феномена “языковая личность”. Представлен теоретический анализ различных концепций языковой личности, методологические вопросы подхода к этой существенной проблеме – существенной и в научном, и в дидактическом отношении. В статье представлена также авторская концепция одного из видов профессиональной языковой личности – языковой личности переводчика.

В полемических построениях антропоцентрической лингвистики конца двадцатого века дискуссионным является понятие “языковая личность”. В русле герменевтического подхода вопрос, что же такое языковая личность, решается так: это человек-носитель, правда в абстракции от его темперамента, характера, других характеристик личности, изучаемых в психологии. Но это и фикция, и идеализация носителя (как язык хранится в памяти многих индивидуумов, каковы общие компетенции, характерные для сотни профессионалов [1], это и идеальный конструкт этнической идентичности – отсюда понятным становится внимание к такому варианту как, скажем, русская языковая личность). И в этом качестве это и инструмент описания языка, как показала монография Ю. Н. Караулова [4]. Последнее оказалось немаловажным и для нашего исследования [2]. Классическое определение языковой личности дано Г. И. Богиним в русле герменевтического подхода: это совокупность опыта коллективного действия с текстами и в действительности реальной, и в действительности коммуникативной, и в действительности невербального мышления [1]. Также как идентичность, языковая личность может пониматься на индивидуальном уровне, но и учитывает опыт социально разделенного понимания, опыт действия с текстами, накопленный множеством людей.

Русская языковая личность не едина, есть разные социальные группы, которые по-разному оценивают тот или иной языковой феномен. Однако лингвисты полагают, что есть общерусский языковой инвариант [4]. Иногда высказывается такая точка зрения, что невозможно оценить как архаичное какое-то языковое или социальное явление в виду стратификационной дифференциации языковой личности. Однако эта точка зрения представляется неверной. Ведь как же тогда относиться к системе словарных стилистических помет при значениях слов?! Есть безусловные оценки определенных языковых феноменов большинством носителей языка. Этот феномен и представляет такую фикцию, какой является общерусский языковой инвариант. Свет на “усредненные

нормы” проливают психолингвистические исследования и наблюдения. Показательным и интересным является тот факт, что безусловные оценки меняются (семантическая трансформация, смена коннотаций, энантиосемия).

Дебатируется вопрос, есть ли языковая личность россиянина или, поскольку такой языковой категории, как россиянин, нет, нельзя говорить и о языковой личности россиянина. На наш взгляд, именно социальная категория “россиянин, житель России” позволяет нам говорить о языковой способности этого жителя и давать характеристику этой способности в виде языковой личности россиянина с той или иной степенью развитости иных языков в ней. На наш взгляд, языковая личность россиянина – это русская языковая личность или языковая личность билингва-россиянина, представляющая собой его первичную языковую личность + русскую языковую личность + иные вторичные языковые личности. Согласимся, что языковой категорией россиянин не может быть, а лингвистической – вполне: это языковая личность билингва, как объект изучения (психо)лингвистики. Это подтверждают исследования ученых северного Кавказа, изучающих языковые способности россиян полиэтнического Северо-Кавказского региона, в особенности в ситуации трех языков: английский – родной – русский.

Риторико-герменевтический подход к языковой личности позволяет, анализируя ее профессиональные дискурсы, создавать представления о языковой личности отдельных социальных категорий населения России – госслужащего, юриста, журналиста, школьника, телевизионного ведущего (например, [5]). Нами представлена онтологическая категория “языковая личность профессионального переводчика” [2].

Согласимся, что, очевидно, *любая* языковая личность моделируется в том числе и по тому, с каким совершенством она владеет жанрово-стилевой палитрой речи, а не только личность переводчика. В этом пафос герменевтического подхода к пониманию речи. Но в языковой личности другого специалиста есть не только это – львиную долю занимают профессиональные знания, дискурс и терминология. Иное дело – языковой посредник с гротескно заостренной компетенцией межкультурной коммуникации, работающий на разном языковом материале. Язык же, как считали классики лингводидактики, беспредметен (или все-таки всепредметен?). Особенность моделирования языковой личности переводчика в том, что речевая деятельность переводчика связана со многими профессиональными дискурсами и метаязыковой теорией объяснения языкового посредничества. Иными словами, переводчик – это транслятор дискурсов других специалистов, и диапазон текстов в его работе очень широк, также как и тем.

Нами и ставится задача обсудить – какими жанрами и стилями владеет и в какой мере, а в какой должно. А далее по мере работы возникают еще вопросы: есть ли еще какие-то необходимые переводчику способности (скажем, что особенно актуально для русистики, способность представлять собственную идентичность, так как перед нами русская языковая личность; какова ее способность к межкультурной коммуникации, трансформации в условиях мультикультурализма, способность к работе в информационной цивилизации, социальная компетенция в эпоху глобализации, культурное ядро языковой личности). Мы стоим перед вопросом, каково отношение русской языковой личности профессионального переводчика к известной социальной и ситуационной стратификации языка (работа с архаичными, диалектными, профессиональными текстами), каковы способности в дискурсах – научном, официально-деловом, художественном, смешанных фактурах, электронном. Это и составляет целую концепцию компетенций языковой личности профессионального переводчика.

Новыми результатами проверки нашей гипотезы оказались некоторые аспекты: это мировая *глобализация* и ответ русской языковой личности на нее, это информационные технологии в связке с компетенциями русской языковой личности и русской языковой личности профессионального переводчика, это профессиональный компонент переводчика, и стремление каждой русской языковой личности стать хоть немного русской языковой личностью профессионального переводчика, и рефлексия над межкультурной коммуникацией и идентичностью менталитета (ядро языковой личности).

Русская языковая личность профессионального переводчика – это языковая личность филолога. Содержатся ли в языковой личности переводчика переводоведческие знания, позволяющие рассуждать о языковом посредничестве?! Филолог рефлектирует в том числе и по поводу своего профессионализма. В его языковой личности есть и профессиональный компонент, и рефлексия над ним, т.е. теоретические, метаязыковые знания. В итоге вырисовывается сложная структура русской языковой личности профессионального переводчика.

Отдельное замечание касается того, что есть первичная (родной язык) и вторичная языковая личность (второй, изучаемый язык, в нашем случае на весьма продвинутом уровне). Описанию вторичной личности в процессе изучения неродного языка и учебного билингвизма посвящены многие работы (напр., Г. И. Богин, И. И. Халеева). Вторичная личность весьма влияет на первичную, т.е. первичная способна к трансформации под влиянием социальных, культурных условий (т.н. феномен культурного шока с известными стадиями отрицания и фасцинации, этноцентризмом и этнорелятивизмом). Языковая личность профессионального переводчика сложна. В ней нами исключительно в целях исследования выделен аспект, связанный с первичной языковой личностью. Но показательно именно пронизательно отмечаемое: “существование двух языковых сторон, во взаимной интерференции и межкультурном диалоге между ними”. Это изящно сформулированное выводное знание являет пафос подхода в билингвальности в языковой личности. Есть, однако, и мнения (О. Л. Леонтович), что все же родной язык определяет языковую личность, что языковая личность – это этноспецифический, национально-специфический тип коммуниканта.

Ответ на вопрос о том, представляет ли модель русской языковой личности профессионального переводчика идеальную модель русской языковой личности вообще, т.к. переводчик в силу специфики своей деятельности рефлектирует над профессиональным компонентом и материалом своей деятельности. Но, например, рефлектирует и лингвист, и филолог. По всей видимости, идеальная модель языковой личности – идеальная совокупность моделей многих специалистов. Но то, что представленная нами модель – несомненная часть идеальной модели русской языковой личности, и то, что идеальная языковая личность филологически грамотна – несомненное, но недостаточное условие в филологической герменевтике. Рефлексия над средствами коммуникации не может проходить без филологической грамотности. Стилистика художественного языка оказывается в филологической герменевтике “учительницей всех других стилей” (Г. О. Винокур), и средством обучения пониманию. Смыслопостроение наиболее оптимально при рефлексии над *средствами* кодирования смыслов, над собственным пониманием.

Неоднократно ставился вопрос о том, одна и та же ли языковая личность перед нами при переводе на иностранный и с иностранного. На наш взгляд – да, это русская языковая личность переводчика плюс его вторичная языковая личность. Одна и та же языковая личность пред нами и при двустороннем переводе – частом переключении с языка на языки и разговорном характере речи. Мы солидаризируемся с концепцией, что

именно родной язык определяет языковую личность – национально-специфический тип коммуниканта, обладающий культурно-обусловленной ментальностью, картиной мира и системой ценностей... и потенциально способный к межкультурной трансформации. Чаще всего перевод осуществляется на родной язык, в данном случае родной русский язык. При переводе задействованы и способности вторичной языковой личности (нужно понять текст на иностранном языке), при этом компетенции в иностранном языке приближаются к компетенциям в родном, хотя такой авторитетный лингвист, как А. Мартине, считал полный билингвизм невозможным. Затем в силу вступает первичная языковая личность – механизмы вербализации родного языка.

Концепция русской языковой личности профессионального переводчика носит универсальный характер, ее можно применять для подготовки, в частности, русских переводчиков с английского, немецкого, французского языков в равной степени. Но: русская языковая личность профессионального переводчика выступила в нашей работе средством суждения о русском языке в его синхронном состоянии, и вот тут языки неравноценны. Мы отмечаем влияние других европейских языков в истории и диахронии русского языка, но не в синхронии, к тому же и эти языки подвержены сегодня *глобанглизации*, ведут с большим или меньшим успехом “борьбу” с англлизацией.

Есть сто переводчиков, пятьсот особенных переводчиков и что-то общее во всех в них. Но что? И что сегодня, в эпоху глобализации и глобанглизации? И как это проявляется в родном языке?

Лингвисты-когнитивисты [3] предлагают другие трактовки языковой личности. Их логика рассуждений такова: личность как человек, использующий язык, не может быть совокупностью текстов, а профессиограмма также не является личностью, равно как и компетенция. В личности нет текста, личность порождает текст. Более того – добавим мы – личность и есть совокупность опыта действия с текстами. Опыта и индивидуального, и социально разделенного. Языковая личность в представлении когнитивистов – это абстракция коллективной личности.

Их критику вызывает и положение о том, что русская языковая личность профессионального переводчика она должна присваивать теории и области русистики. Русская языковая личность профессионального переводчика – это языковая личность филолога. Филолог рефлексировал в том числе и по поводу своего профессионализма. В его языковой личности есть и профессиональный компонент, и рефлексия над ним, т.е. теоретические, метаязыковые знания. Переводчик – это же не мольеровский Журден, не ведающий, что он коммуницирует метафорами. Переводчик – профессионал. В его языковой деятельности есть профессиональный компонент, профессиональные компетенции, скажем, гротескно заостренная компетенция межкультурного посредничества.

Лингвистам-когнитивистам [3] преобладает ясное осмысление проблематики: языковая личность – это конструкт, инструмент описания (тогда – чего?) или же реальный человек, использующий язык в качестве средства познания и коммуникации. Лингвисты-когнитивисты полагают, что языковая личность – это абстрактный конструкт идентичности и не видят то, что герменевтический подход дуалистичен, снимает дихотомию между пониманием языковой личности как носителем с совокупностью его вербального опыта и языковой личностью как абстрактной конструкцией идентичности. Снятие такой дихотомии возможно благодаря социально разделенному опыту действия с текстами.

Конечно, профессиограмма шире языковой личности, но включает профессиональный тезаурус и профессиональные языковые знания. Языковую личность как профессиограмму трактует впервые в докторской диссертации Г. И. Богин (1984).

Именно он и понимает языковую личность как потенциально возможную совокупность текстов, понимаемую социально и индивидуально. Классическое определение языковой личности: это совокупность опыта коллективного (!) действия (!) с текстами и в действительности реальной, и в действительности коммуникативной, и в действительности невербального мышления. Профессиограмму, профессиональное мышление языковое мышление описывает М. Н. Панова [5]. Другое дело – в переводческой деятельности есть своя специфика, в отличие, скажем, от юриста, чиновника, экономиста (переводчик – это ретранслятор дискурсов других специалистов).

В рамках представлений когнитивистов невозможно говорить об элитарности языковой личности: это и понятно. В их логике языковая личность – абстракция. Однако риторико-герменевтический подход к носителю речи позволяет говорить о том, что есть элитарные личности – скажем те, чей индивидуальный лексикон больше 15 тыс. слов, или поэты, наделенные способностью к нетривиальному использованию языка, вызывающие наш интерес сквозь эпохи, или – что особенно важно – люди, наделенные способностью понимать сложные феномены, видеть целое за частностями, достраивать проекции герменевтического круга (по Шлейермахеру).

Риторико-герменевтический подход позволяет в языковой личности выделять уровни и компоненты компетенции. Мы и моделируем совокупность способностей, компетенций, должного умения, горизонта понимания. В отношении каждой частности профессиограммы ставим вопрос: “Я понял, но *что* же я поняли почему?” Мы моделируем способности в дискурсах – научном, официально-деловом, художественном, смешанных фактурах, электронном. Представленной оказывается целая концепция компетенций.

В школе исследования языковой личности Ю. Н. Караулова тоже прорабатывается эта методологическая проблематика. Название школе дано по основному объекту, подлежащему изучению и описанию в ее рамках, и по методу (способу изучения и описания), который основывается на определенном образом сложившейся и установленной в исследованиях структуре языковой личности. Под языковой личностью понимаются два феномена: 1) любой конкретный носитель того или иного языка-культуры, охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения специфики использования в этих текстах системных строевых средств данного языка для отражения видения и оценки им окружающей действительности (картины мира) и для достижения определенных целей в этом мире; 2) комплексный способ описания языковой способности индивида, соединяющий в себе системное представление языка с функционированием его в процессах порождения текстов.

Теоретические принципы и исследовательская методология научной школы формировались в последней четверти прошлого века под влиянием успехов психолингвистики, психологии речи, когнитивной психологии, лингвокультурологии, лингводидактики, философии языка и были направлены на достижение целей и решение задач, которые не решаются никакой из перечисленных дисциплин по отдельности. Цель заключалась в том, чтобы на основе анализа реализации человеком его языковой способности, т.е. употребления им языка (что он говорит и как говорит), получать выводное знание о “личности”: а) как индивидууме и авторе произведенных им текстов – со своим характером, интересами, социальными и психологическими предпочтениями и установками; б) как типе – типовом представителе данной языковой общности и более узкого входящего в нее речевого коллектива, т. е. как “совокупном”, или усредненном, носителе данного языка-культуры; в) как представителе человеческого рода, неотъемлемым свойством которого является использование знаковых систем и прежде всего естественных языков. Соответственно комплексность подхода к изучению языка

через языковую личность проявляется в том, что язык в этом случае предстает не односторонне, а во всех своих ипостасях одновременно – и как система, и как текст, и как способность.

Структура языковой личности складывается из трех уровней – вербально-грамматического, когнитивного и прагматического. Каждый из уровней характеризуется своим набором единиц, которые в совокупности охватывают все используемые при изучении языка единицы, своеобразно перераспределяя их соответственно специфике названных уровней. К вербально-грамматическому уровню относятся единицы, традиционно используемые при описании лексического (семантика) и грамматического строя языка, – слово, морфема, словоформа, дериват, словосочетание, синтаксема, синоним, управление и т. п. В качестве единиц когнитивного уровня, организующих статичную и относительно стабильную часть картины мира носителя языка, выступают как элементарные единицы знания, представляющие собой соединение знака (слова) с одним из способов задания смысла в виде дефиниции, дескрипции, перифразы, фрейма, поговорки или пословицы, фразеологизма, гиперонима или гипонима, афоризма и др., так и концептуальные единицы, несущие более обобщенное знание, тоже являющиеся строевыми единицами образа мира, содержание которых складывается из перечисляемых выше элементарных единиц (Авиация, Время, Игра, Количество, Государственное устройство, Праздник, Религия, Семья, Спорт, Разрушение, Транспорт, Мифология, ...). В состав единиц прагматического уровня, отражающего интенции и цели носителя языка-культуры, его активную позицию в мире и, соответственно, динамику его картины мира, включаются пресуппозиции, оценка, прецедентные тексты, приемы аргументации, сценарии, планы, программа поведения. Таким образом, реконструкция той или иной языковой личности предусматривает воссоздание ее лексикона с “распределенной” по нему грамматикой (I уровень), построение свойственного ей образа мира (II уровень) и выявление ее ментальности, ее оценочно-целевой позиции в мире (III уровень). Названные характеристики восстанавливаются именно в анализе языка, осуществляемом через использование его языковой личностью. Ни образ мира, ни менталитет нельзя выявить из языка вообще, из языка как системы, рассматриваемого в отрыве от его носителя, в отрыве от субъекта (языковой личности), в голове которого и запечатлевается образ мира, имеющий язык своим субстратом. Когнитивный и прагматический уровни языковой личности охватывают содержание того, что принято называть “языковым сознанием”, и этот аспект изучения языковой личности, таким образом, закономерно включается в общее проблемное поле теории, дела и картину мира, и языковое сознание равноправными объектами исследования.

Данная научная школа отличается своим исследовательским объектом, оригинальными комплексными методами его изучения и специально созданными источниками, моделирующими устройство языковой способности и содержание языкового сознания (“ассоциативно-вербальная сеть”), а также поставленными и решаемыми в рамках программы задачами. Исследования различных аспектов языковой личности характеризуются широким применением экспериментальных методов: ассоциативных экспериментов, моделирующих стимульно-реактивный, или смыслопорождающий, режим работы языкового сознания (от знака к смыслу); опросно-анкетных методик, моделирующих знакопорождающий режим (от смысла к знаку) работы языкового сознания и позволяющий реконструировать базу знаний языковой личности; анализа пересказа текстов; метода семантического дифференциала; анализа языкового существования (записи речи одного дня) личности; анализа деятельности устных и письменных переводчиков; анализа этнотекстов; анализа статистически достоверных самонаблюдений носителей над порождением письменной речи;

экспериментов по восстановлению деграмматикализованных текстов и др.

Программа научной школы языковой личности Ю. Н. Караулова включает шесть активно разрабатываемых исследовательских направлений:

1. Языковая личность: когнитивные и концептуальные структуры языкового сознания и их эволюция в связи с изменениями, происходящими в национальной культуре и обществе.

2. Этнокультурная специфика языковой личности – языковые показатели русской картины мира, ментальности и русского национального характера.

3. Межкультурное и межэтническое сопоставление языкового сознания – типологические параметры. Полевые исследования, составление и анализ многоязычных ассоциативных словарей.

4. Речевой образ повседневного языкового существования носителя русского языка. Типология языковых личностей: социальные, территориальные, исторические, профессиональные, гендерные, возрастные вариации.

5. Языковая личность художника слова. Лексикографическая параметризация языка писателя. Текстовые ассоциативные поля как инструмент достижения эквивалентности в переводе.

6. Разработка компьютерной технологии функционирования когнитивера в разных режимах имитирующих работу языковой личности.

Таким образом, настоящая статья рассматривает возможные противоречия при обсуждении концепции языковой личности и намечает перспективы исследований, что весьма актуально для теоретического языкознания.

Л и т е р а т у р а :

1. Богин Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Л., 1984. – 47 с.
2. Бушев А. Б. Языковая личность профессионального переводчика. – Тверь : ООО “Деловая графика”, 2010. – 265 с.
3. Гришаева Л. И., Цурикова Л. В. Введение в теорию межкультурной коммуникации. – М. : Изд. центр “Академия”, 2007. – 336 с.
4. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М. : Наука, 1987. – 261 с.
5. Панова М. Н. Языковая личность государственного служащего: опыт лингвометодического исследования. – М. : РУДН, 2004. – 323 с.

Бушев А. Б. Полеміка щодо мовної особистості.

Статтю присвячено різним аспектам розуміння та дослідження мовної особистості. Полемічно розглядаються концепції мовної особистості, представлено авторську концепцію мовної особистості професійного перекладача.

Ключові слова: мовна особистість, компетенція, носій мови.

Bushev A. B. Debates on investigation of language speakers.

The article is devoted to different concepts of Sprachenpersoenlichkeit shedding light upon modern debates on investigation and comprehending of linguistic capacity of language speakers. The author's conception of Sprachenpersoenlichkeit of professional interpreter is discussed in the article.

Keywords: Sprachenpersoenlichkeit, competence, speaker.